

Глава вторая

МОЙ ТАЙНИК

У меня под кроватью был тайник.

Хотелось бы мне сказать, что там стоял загадочный сундук, который я выкопал в саду и притащил к себе в комнату, чтобы тайно складывать туда удивительные сокровища. Только для того, кто завоевал бы моё доверие, я открыл бы древнюю крышку. На ковёр упали бы комья земли, но меня это, как ни странно, не встревожило бы. А мой друг разинул бы рот, потрясённо разглядывая скрывающиеся там богатства.

Было бы здорово иметь такой сундук.

Но нет.

Мой ящик был чистым и современным. Из бело-серого картона, размером с обувную

коробку, с овальным отверстием наверху. На боку имя производителя и жирная чёрная надпись:

100 штук

Осталось там, наверное, около шестнадцати.

Под «около» я имею в виду «ровно». Ровно шестнадцать.

Мама знала про мой тайник, а папа — нет. Он бы рассердился, если б узнал. Больше на маму — за то, что она меня «поощряет».

— Так нельзя, Шейла. Зачем ты их купила, а? Ему от этого только хуже!

Вот что он сказал бы.

Он бы не понял, что я не могу жить без этой коробки.

Так я и жил с тайником под кроватью в девятом доме на Честнат-клоуз. Самом обычном доме на две семьи: с тремя спальнями, ванной, кухней-столовой, прямоугольным задним двором с сараем и выходом на большую застеклённую веранду (больше там особо ничего не было, кроме травы). На веранде раньше стояли плетёный диван и два таких же кресла, а всего пару недель назад их заменили новым бильярдным столом. Я сам видел, как грузчики с трудом проталкивают его через

дверной проём. С тех пор папа постоянно спрашивал, не хочу ли я поиграть.

Я не хотел.

Когда он поднимал жалюзи на крыше веранды, из окна моей комнаты можно было увидеть, как папа в одиночку гоняет шары. Вчера он заметил, что я на него смотрю, и, хотя я тут же спрятался за занавеску, уже через минуту папа постучал ко мне в дверь и спросил:

— Не хочешь спуститься, сынок? Поиграть со стариком?

— Спасибо, пап, не сегодня.

После этого он сразу ушёл. Знаю, папа старался как мог, но... бильярд? Серьёзно? Как ему вообще в голову пришла эта идея? Да и я твёрдо для себя решил больше никогда не заходить на веранду. Нашего кота Найджела не раз рвало на холодную белую плитку мышами и птицами. Страшно подумать, сколько там всякой заразы! В летнюю жару всё помещение, наверное, так и кишит микробами. Может, ещё и оставался бы малюсенький шанс, что я решусь погонять с папой шары, но Найджел полюбил дремать на бильярдном столе, чем окончательно отбил у меня всякое желание. Он каждый день растягивался на зелёном сукне, словно готовился

принести себя в жертву богам бильярда. Теперь стол пришлось бы залить антисептиками. После этого он точно испортился бы, а папа наверняка угробил на него несколько сотен фунтов.

Больше всего в доме мне нравилась моя комната. Надёжно защищённая от микробов. Снаружи было опасно. Никто не понимал, что грязь — это микробы, микробы — это болезни, а болезни — это смерть. Хотя всё довольно очевидно. В своей комнате я умею всё держать в чистоте. Главное — не отлынивать.

Здесь я проводил бóльшую часть времени, так что знал комнату как свои пять пальцев. Вот, например:

1. Передняя правая ножка прикроватной тумбочки шатается и стоит немного криво.

2. Краска под подоконником осыпается. Наверное, из-за того, что я слишком часто протираю это место.

3. Высоко над кроватью отходит кусок обоев, и с определённого угла он напоминает льва.

Не дикого короля джунглей, а забавного мармеладного львёнка. С неряшливой гривой, вытянутой плоской мордой и сползшим глазом. Всё-таки обоям было лет десять, и их уже раз пятнадцать покрывали водоэмульсионной краской.

Иногда я разговаривал со львом. Конечно, обращаться к неодушевлённым предметам странно-вато, но наверняка где-нибудь написано нечто подобное: «Примерно на десятый день несчастный человек, избравший жизнь в четырёх стенах, начинает так изнывать от скуки, что принимается заводить разговоры с вещами, которые его окружают. Это совершенно естественно и не должно вызывать тревоги».

В моём случае день был восьмой. Я снова не пошёл в школу, утро выдалось так себе, и лев-с-обоев смотрел на меня из угла. Я сразу почувствовал на себе его взгляд, потому что давно поглядывал на него, но не решался заговорить. И вот наконец не выдержал.

— Ты, наверное, думаешь: «Ох, бедняжка Мэттью! Разве не грустно, что он целыми днями сидит в четырёх стенах? Даже в школу не ходит! Когда он уже наконец перестанет бездельничать и выползет из своей норы?» Так вот — никогда! Можешь обо мне не беспокоиться. Понял?

Когда я выговорился, мне сразу стало легче. Как будто в споре победил. Мама вот разговаривала с котом, и ничего. Никто не считал её ненормальной. Так что после того случая я стал частенько болтать со львом. По-моему,

ничего странного в этом не было. Странно было бы, если бы он мне отвечал. Этого, к счастью, не случилось.

Само собой, родители ничего не знали. Я держал всё в тайне. Правда, и моя тяга к чистоте раньше была секретом. Мой друг Том первый заметил, что со мной что-то не так. На физике я вышел помыть руки, а когда вернулся, он уставился на меня, подперев голову.

— Мэтт, что с тобой такое?

Я моргнул.

— В смысле?

— Ты на каждом уроке бегаешь в туалет, и на переменах тоже, — прошептал он. — Всё в порядке?

Нет, не в порядке. Сколько бы я их ни мыл, руки всё равно казались мне грязными. Я никак не мог избавиться от этого неприятного ощущения. Поэтому и бегал в туалет весь день. Я не знал, как объяснить это Тому, — просто пожал плечами и уткнулся в тетрадку. После этого в школу я ходить перестал.

Дома можно было мыть руки сколько угодно, но мне не нравилась ванная комната. Она, как и школьный туалет, кишела бактериями. Пару недель назад я не выдержал и, пока мама была

на работе, вычистил там всё как следует. Время пролетело незаметно. Мама вернулась и застала меня за уборкой. Она смотрела разинув рот, как я протираю кран изнутри ватной палочкой, смоченной отбеливателем.

— Мэттью, что происходит? — спросила она, глядя на сверкающую белую плитку. Вид у мамы был такой, будто я разрисовал все стены фломастером. — Это уже слишком... Хватит. Прекрати.

Она шагнула ко мне. Я отшатнулся и упёрся спиной в раковину.

— Мэттью, давай поговорим. Что с тобой? Ты только посмотри на свои бедные руки...

Она потянулась ко мне, но я помотал головой:

— Не подходи, мам.

— Мэтти, солнышко, я просто хочу взглянуть на твои руки. Что с кожей?

Я спрятал руки под мышки.

— Это ожоги, Мэттью? Из-за отбеливателя? Ты же знаешь, что он не должен попадать на кожу?

— Всё в порядке, мам, не трогай меня.

Я быстро протиснулся в коридор и побежал в свою комнату. Дверь захлопнулась с громким стуком. Я плюхнулся на кровать. Ладони горе-

ли. Мама осталась за порогом. Она понимала, что лучше не входить.

— Солнышко, чем тебе помочь? Скажи, пожалуйста. Не молчи, Мэттью! Мы с твоим папой больше так не выдержим. Мне сегодня опять звонили из школы. Не могу же я без конца им врать, что у тебя вирус...

Она вдруг осеклась и всхлипнула. Я зажмурился и крикнул:

— Перчатки!

Тишина.

— Что?

— Резиновые перчатки. Одноразовые. Больше мне ничего не нужно. А теперь можешь уйти? Пожалуйста!

— Ладно, я... Я их поищу.

Вот такая история о моём тайнике. Не о пыльном сундуке с сокровищами, а о скучной коробке одноразовых перчаток. От ста штук осталось всего шестнадцать. Мама пообещала снабжать меня перчатками, а я поклялся ей больше не жечь кожу отбеливателем.

Папе мы и не думали рассказывать. Он бы не понял.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

